

Как только Фан Минсюань вышел, молодой полицейский тут же возмутился:

— Эй! Кто он такой вообще! Мэн, ты позволишь ему так вести себя, как будто он тут главный?

Мэн Анго шлёпнул молодого полицейского по затылку и отругал:

— Хватит болтать, работай!

Затем он задумчиво посмотрел на Чжао Ихана в комнате для допросов.

Фан Минсюань уверенно вошёл в комнату, подошёл к столу и швырнул улики перед Чжао Иханом. Папка с грохотом раскрылась, и несколько фотографий вылетели, упав прямо перед подозреваемым.

Чжао Ихан, который до этого момента был неподвижен, как статуя, кроме нескольких испуганных возгласов при аресте, вздрогнул от громкого звука. Фотографии, разлетевшиеся перед ним, заставили его сжаться. Его губы дрожали, но он не издал ни звука, будто безмолвно кричал.

— Ты всё видишь? Знаешь, что это такое? — спросил Фан Минсюань, медленно садясь.

Чжао Ихан молча сжал губы.

— Не знаешь? Ну что ж, я тебе расскажу, — Фан Минсюань, не удивлённый его молчанием, начал брать фотографии одну за другой и класть их перед глазами Чжао Ихана, сопровождая каждую объяснением.

— Эти книги были найдены в коробке из-под обуви под твоей кроватью.

На фотографиях были книги по психологии, такие как «История сексуального насилия», «Люди без совести — тревожные психопаты», «Психология преступности». Затем шли фотографии мёртвых животных и кадры из сериалов с трупами.

— Это было найдено на твоём компьютере. Эти рассказы ты спрятал неплохо, но будь я на твоём месте, я бы их вообще не писал. А если бы и написал, то сжёг бы после того, как получил удовольствие, а не прятал бы в обложках книг.

Бросив последние две фотографии, Фан Минсюань откинулся на спинку стула и с любопытством посмотрел на Чжао Ихана:

— Теперь скажи мне, зачем студенту фармакологии всё это?

Чжао Ихан, загнанный в угол фотографиями, раскрывающими его самые большие секреты, и презрением в голосе Фан Минсюаня, попытался защититься, но его голос был слабым, как комариный писк:

— Я... я не... нарушал закон...

Фан Минсюань усмехнулся:

— Верно, по нашим законам, если ты не распространяешь это, то не нарушаешь закон... Но как ты объяснишь, что сцены преступлений совпадают с тем, что ты написал в своих фантазиях!

Чжао Ихан вздрогнул от громкого хлопка по столу и повышения голоса Фан Минсюаня.

Он знал о недавних убийствах в городе, знал, что жертвы были женщинами, одетыми в его любимые белые платья. В тёмные ночи он тоже представлял, что это он... Но что значит, что это совпадает с его рассказом? Чжао Ихан запаниковал.

— Что совпадает? Я не знаю!

— Не знаешь? — Фан Минсюань открыл папку, вытащил фотографии с мест преступлений и швырнул их перед Чжао Иханом. — Ты не знаешь, что эту девушку задушили в лесу, когда она возвращалась с вечерних занятий? Ты не знаешь, что эту женщину утопили в ванной? Ты не знаешь, что они были одеты в белые платья, как в твоём рассказе, и что после смерти им вложили инородные тела?

Как такое возможно! Чжао Ихан с ужасом смотрел на фотографии, дрожа, как лист на ветру, но его глаза были необычайно яркими, прикованными к изображениям мёртвых женщин. Он хотел взять фотографии, но сжал руки на коленях, так что наручники издали лёгкий звон.

Продолжая смотреть на фотографии, он наконец попытался защититься, но его голос был слабым, наполненным подавленностью:

— Я правда не знаю... Может... может кто-то прочитал...

На лице Фан Минсюаня появилась уверенная улыбка:

— Где ты был вечером 11 мая?

— Я... я был в библиотеке...

— А 13-го в восемь вечера?

— ...Дома, в интернете...

— Кто может это подтвердить?

— Ни... никто... Но я правда! Не знаю...

С каждым вопросом Фан Минсюаня голос Чжао Ихана становился всё тише, но в конце он резко повысил тон, и его тело дёрнулось. Он впервые за всё время поднял голову, открыв бледное лицо, и прямо посмотрел на Фан Минсюаня. Но презрительное выражение на лице следователя словно уничтожило его последнюю надежду, растворившись вместе с его тихим голосом.

Фан Минсюань с победной улыбкой начал собирать улики и тихо произнёс:

— Некоторые люди, как бы ни старались, не могут скрыть свою сущность. Например... извращенцев.

Произнеся свои реплики, Чжан Сюцзи взглянул на Фэй Жаня и замер.

Его слова словно что-то разрушили. В глазах Фэй Жаня читалось отчаяние, но уголки его губ слегка приподнялись, создавая на его лице жуткое выражение.

— Отлично! Снято! — Возбуждённый голос Ду Чжуана раздался издалека, и Чжан Сюцзи,

словно очнувшись, моргнул и повернулся к режиссёру.

— Очень хорошо! Чжан Сюцзи, давай повторим последнюю часть, встань, когда будешь собирать улики, и произнеси слово «извращенец» прямо в ухо Фэй Жаню. Фэй Жань, твоя мимика была потрясающей! Повторим, всё в порядке?

Фэй Жань, подняв лицо для того, чтобы гримёр поправил макияж, поднял руку и показал знак «ОК». Чжан Сюцзи посмотрел на Фэй Жаня, затем на Ду Чжуана, который с восторгом смотрел на монитор, и вдруг направился к режиссёру.

— Режиссёр, могу я посмотреть повтор последнего дубля?

Ду Чжуан, казалось, не удивился просьбе Чжан Сюцзи и весело подозвал его:

— Подходи, давай посмотрим.

Ю Бэй, отдыхавший в стороне, тоже подошёл с чашкой воды и, смотря повтор, восхищённо проговорил:

— Молодёжь нынче удивительная, давно не видел новичков с такой хорошей дикцией.

Услышав это, Ду Чжуан почувствовал лёгкую тревогу и поспешил добавить:

— Чжан Сюцзи здесь справился отлично, даже лучше, чем на пробах, видно, что ты хорошо изучил сценарий, ха-ха-ха... кхм.

Ю Бэй с улыбкой посмотрел на Ду Чжуана. Он понимал, что тот боялся, что похвала Фэй Жаня вызовет ревность у Чжан Сюцзи, и потому пытался сгладить ситуацию. Однако Ю Бэй лишь отметил хорошую дикцию Фэй Жаня, не сказав, что Чжан Сюцзи сыграл плохо. Такая неуклюжая попытка Ду Чжуана лишь подчеркнула, что Чжан Сюцзи выглядел хуже.

Ду Чжуан действительно был известен своей прямоотой, но, видимо, он раньше не работал с Чжан Сюцзи и потому не знал его характера.

Чжан Сюцзи проигнорировал неуклюжие попытки Ду Чжуана и молча досмотрел повтор, а затем попросил показать его ещё раз. После третьего просмотра он встал:

— Режиссёр, я хочу переснять этот эпизод, можно?

Ду Чжуан, который уже мысленно ругал себя за свою прямолинейность, сначала подумал, что ослышался:

— Что? Переснять? Конечно, конечно! Все на места, давайте повторим этот эпизод!

Обычно, если актёр сам просит переснять сцену, это означает, что он по-новому понял сценарий или персонажа, и результат будет только лучше. Похоже, выдающаяся игра Фэй Жаня подстегнула Чжан Сюцзи, создав здоровую конкуренцию. Если так пойдёт и дальше, фильм будет сниматься всё лучше и лучше!

Ду Чжуан был в полном восторге!

После съёмок сцены допроса Фэй Жань стал замечать, что Чжан Сюцзи то и дело украдкой

смотрит на него. Если бы это был взгляд восхищения, он был бы слишком серьёзным; если бы это была неприязнь, то слишком загадочной. Эти взгляды заставляли Фэй Жаня чувствовать себя неловко, но он не мог ничего сказать.

В один из дней, когда наступило время обеда, Фэй Жань взял свой ланч-бокс и хотел уединиться, чтобы спокойно поесть, но Ю Бэй поймал его и усадил в гримёрке рядом с Чжан Сюцзи.

Фэй Жань собирался вести себя тихо, как мышь, но Ю Бэй вдруг спросил:

— Сяо Фэй, когда ты покажешь мне биографию персонажа Чжао Ихана, которую ты написал?

Фэй Жань удивился. Ещё до начала съёмок он написал несколько тысяч слов о персонаже, а после начала съёмок добавил ещё больше, основываясь на своих впечатлениях. Когда Ю Бэй увидел это, они даже обсудили это, так почему же он снова спрашивает?

<http://bllate.org/book/16726/1538066>